

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

Статья рассматривает этико-онтологический аспект применения силы в менеджменте и социальном управлении в целом. При этом насилие исследуется как всякое доминирование людей друг над другом в пространстве свободной воли. Автором ставится вопрос: если под управлением понимать сознательное умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей, является ли такой род социальной деятельности насильственным? Можно ли насильем достичь справедливых управленческих результатов? Автор исследует феномен насилия (сатьяграхи) в управлении как применения силы добра, силы любви, а не отсутствия силы, как это часто понимается. Ненасилие сильного, то есть возможность сочетания позитивной (доброй) силы при потенциальной возможности применения насилия для борьбы со злом в управляемой организации обосновывается как оптимальный онтологический тип поведения руководителя.

Постановка проблемы. Русская способность заимствования, поглощения европейского опыта, порой путем «заглатывания», «без остатка», давно поставила в наш лексикон слово «менеджмент» рядом и вровень с давно привычными «руководство», «управление». И хотя последнее есть, безусловно, понятие более широкое, означающее координированное, иерархически построенное взаимодействие людей с целью достижения поставленных целей, «менеджмент» также не представляет собой только некий бизнес-жаргон, когда, скажем, девушка-секретарь, переносящая

бланки анкет в полуподвальной турфирме из пяти человек, величается не меньше и не больше, а непременно «менеджером».

Менеджмент родился, меж тем, вовсе не в бизнес-сферах: «менеджмент больниц» (знаменитая клиника Мэйо) и даже «менеджмент церкви» стояли раньше, предшествовали коммерческому и предпринимательскому менеджменту¹, с которым российский обыватель и до сих пор обязательно ассоциирует это слово. Исследовать различия между «управлением» (а также родственным с ним феноменом, например, «администрированием») и

«менеджментом» — задача не слишком благодарная, в принципе не самодостаточная и выходящая за рамки проблематики данной статьи. В этом плане ограничимся здесь лишь отчерком того, что, на наш взгляд, *менеджмент* есть такой *род управления*, который связан с *организацией*, ее иерархическим устройством, выделяющим слой руководителей, разрабатывающих и осуществляющих философию, миссию, стратегию организации, ее тактические задачи, перспективные и текущие цели. В остальном же будем исходить из того, что «управление» и «менеджмент» — понятия в сущности своей родственные, однопорядковые.

И менеджмент, и управление по сути представляют собой умение добиваться поставленных целей, *используя* труд, интеллект, мотивы поведения других людей. Это не что иное, как функция, вид деятельности по руководству людьми в самых разнообразных ситуациях². «Взаимоотношения между людьми не часть управленческой деятельности, это, собственно, и есть управление как таковое», — отмечают классики менеджмента Паркинсон и Рустомджи³. «Управление представляет собой не что иное, как настраивание других людей на труд», — подчеркивает знаменитый практик управления Ли Якокка⁴. Меж тем И. А. Богачек называет такой подход к управлению несколько зауженным и объединяет его определением: «*поведенческие теории менеджмента*», к авторам которых он относит того же С. Паркинсона, а также Д. Карнеги, А. Маслоу и некоторых других. Главная беда современного менеджмента, как считает российский исследователь, — в том, что большинство своих проблем он пытается решить психологическими методами, то есть субъективно, эмпирически⁵.

Не отрицая всей важности *коммуникативного подхода* к управлению, что, собственно, и есть «*поведенческие теории менеджмента*», мы можем заподозрить,

что методы подобного подхода могут быть определены как насильственные, а сам подход — как *насилие*, выраженное в манипулировании⁶ людьми ловкими менеджерами, преследующими цели организации, а не ее работников. Ибо как иначе на первый взгляд можно истолковать «умение добиваться поставленных целей, *используя* труд, интеллект, мотивы поведения других людей»?

Но так ли это на самом деле? Есть ли менеджмент — насилие по определению?

Феномен насилия. Что мы понимаем под насилием? Убийство — это насилие, ограбление — очевидно, тоже. Все кажется ясным. Но обыденное понимание способно объяснить далеко не все. Является ли насилием, к примеру, реклама о «блистательных» распродажах «по самым низким ценам»? Является ли насилием требование родителей «хорошо учиться», предъявляемое ребенку? Ответы требуют определения понятия. Считается, что насилие есть не вообще принуждение, не ущерб жизни и собственности как таковой, а такое *принуждение* и такой ущерб, которые осуществляются *вопреки воле* того или тех, против кого они направлены. В самом широком смысле, под насилием принято понимать любое *посягательство на свободу* человека, производимое вопреки его воле. Или, другими словами, всякое доминирование людей друг над другом в пространстве свободной воли можно и следует называть насилием⁷.

«Нравственно ли насилие?» — Вот ключевой философский вопрос бытия. Имеет ли руководитель моральные основания использовать труд и мотивы поведения других людей для достижения собственных целей и целей организации? Может ли учитель применять меры принуждения к ученику? Корректно ли насилие в действиях администратора, менеджера? Можно ли насилием достичь добра? — Вот серьезнейший вопрос, ста-

вющийся исследователями. Достижима ли насилем справедливость? — Другая сторона фактически того же вопроса. Или, под иным углом, — можно ли насилем преодолеть несправедливость?

Очевидно, здесь нет однозначных ответов. Но отсутствие однозначности — не причина отказа от поисков и нахождения ответа. Более того, подобный отказ открыл бы дорогу насильственной эскалации, вседозволенности насилия, которое в такой возможной безграничности губительно для социума и социальности. Данная проблема теснейшим образом связана с феноменом свободы, и в силу этого сопряженность насилия и свободы не раз рассматривалась нами ранее⁸.

Понятно, что степень доминирования, интенсивность посягательства на свободу могут быть очень разными, и в выборе этой степени, вымеренности, адекватности, нацеленности, нравственной составляющей, направленности насилия кроется ответ на поставленный здесь вопрос о возможной корреляции насилия и добра, насилия со справедливостью. Потому классификация насилия, анализ его «многоликости» — задача практически и теоретически значимая.

Насильственная многоликость. По своим *формам* насилие проявляется как прямое, или открытое, и может быть скрытым, косвенным, «мягким». Между этими границами-полюсами можно разглядеть различные *степени насильственной интенсивности*: от предельно слабых до максимально чудовищных видов насильственного принуждения.

По *направленности* насилие может, вероятно, проявлять себя как *прогрессивное* (при всей неоднозначности понятия — «прогресс»), помогающее движению социума вперед, к более совершенным и, как следствие, более справедливым формам социальной организации, и *регрессивное*, сталкивающее общество и социальные организации назад, разрушающее

структурно более справедливые организации. Заметим, что такое основание деления требует от исследователя величайшей аккуратности как страховки от опасностей примитивизма.

Насилие по *сфере осуществления* может реализовываться как *в природе*, так и *в человеческом обществе*, последнее принято называть *социальным насилем*. В контексте поставленных в этой статье задач вряд ли имеет смысл говорить о роли насилия в природе. Если идет проливной дождь и дует сильный встречный ветер, затрудняющий наше движение, то бессмысленно вести речь о нравственности, безнравственности или несправедливости ветра или дождя, ибо наш интерес — в сфере моральности и справедливости силовых принуждений, осуществляемых людьми в отношении друг друга, в первую очередь в управлении.

Социальное насилие также имеет огромный спектр разновидностей и может проявляться как принуждение *экономическое, политическое, идеологическое, духовное, судебное-законодательное*. В силу ощутимых последствий особое место занимает *вооруженное насилие*. Социальное насилие может проявляться и в других его видах и формах. *Вооруженное насилие* чаще выступает как *прямое*. Но не всегда. Дело может касаться и угрозы его применения. Например, присутствие войск одного государства на территории другого может и не сопровождаться боевыми действиями, но совершенно ясно, что народ оккупированной страны ощущает постоянное давление и не вполне свободен в своих социальных и экономических действиях и политических решениях. В некоторых случаях, при ряде других составляющих, это способно давать позитивный результат вроде «японского чуда», рожденного не без американского присутствия на побежденных островах. Социальная справедливость и вооруженное насилие в истории чаще сталкивались как явления, противостоящие друг другу.

Немаловажно подразделить насилие на *первичное* и *ответное*. Порой кажется, что лишь в отношении второго ставится вопрос о его оправданности и легитимности. Но это не всегда так, ибо первичное (даже прямое) насилие нередко приводило к положительным, справедливым в социальном смысле результатам⁹. В то же время и ответное насилие способно служить как деструкции и разрушению, с одной стороны, так и конструктивному развитию, с другой. Известно, что мораль как феномен начиналась с насилия, с изгнания (извержения) из племени любого отступавшего от установленных (нередко, с нашей точки зрения, бессмысленных, несправедливых) норм — тогда это было равносильно смерти. (Отсюда, кстати, — русское слово «изверг»: отступник от нравственных норм). Но даже так называемое собственно «*конструктивное*», или «*прогрессивное*», насилие в своем действии, как правило, разрушает, и не всегда только старое, отжившее, ненужное.

В насильственном многообразии, в итоге, очень непросто вести речь об оправдании тех или иных силовых принуждений. Применительно к управленческим действиям и решениям — еще труднее. Нравственно-правовому рассмотрению в истории, как правило, подвергались лишь ответные формы насилия и почти безусловно осуждалось насилие первичное. Но последнее не всегда выступало и выступает как прямое и очевидное, ибо в социальной жизни чаще встречаются такие разновидности насилия, которые большинству людей заметны не сразу по причине своей сокрытости, порой глубокой замаскированности.

Скрытые формы. Насилие может быть не только прямо-физическим, как, к примеру, нанесение раны, — средством насилия может выступать *язык*: внесение смуты, соблазнение и все способы извлечения преимущества из своего языкового,

интеллектуального превосходства над тем и теми, кто обладает меньшим словесным могуществом¹⁰. Французский философ Поль Рикер, замечает, что уже у Платона можно найти разработку темы «нет тирана без софиста», то есть мудреца. Политик-тиран действует не только и часто не столько посредством физического насилия, но в немалой или даже в большей степени и извращением языка, маскирующим логику, истинные цели и смысл его решений и действий. Язык софистов-идеологов тирана скрывает и прячет в изящную упаковку вымышленной нравственности, даже надуманного благородства, любое коварство такого политического руководителя, любую безнравственность его поступков, за которыми сплошь или в первую голову лишь выгода, корысть, стремление к богатству и собственно самой власти. Так, гремучая смесь физической и вооруженной силы с силой лживо-демагогического языка образует испытанно стойкую форму социально-политического насилия. Стойкую до тех границ и пределов, пока общественный взрыв недовольства не сметает властителей вместе со лже-мудрецами, заодно подрывая надолго доверие масс к самой человеческой мудрости. Тогда формы интеллектуального примитивизма начинают господствовать в обществе, пока также окончательно не исчерпывают себя, вновь уступая дорогу мудрости как интеллектуальной честности, идущей к нравственности, справедливости.

Итак, *языковое коварство* — наиболее распространенный, конкретно исторически эффективный вид социального насилия. «Непрямое насилие также успешно подавляет свободу», — утверждает французский социолог Эмиль Дюркгейм¹¹. Некоторые авторы утверждают, что язык вообще выработан человеком для того, чтобы выдать свои намерения другим людям под видом самых лучших и благородных, при этом скрыть все остальные, тайные, истинные, целевые¹². Рикер же

смотрит на проблему шире, одновременно видя в языке и средство благородства, и мощный аппарат справедливости как противодействия насилию.

Разновидностью скрытого, косвенного насилия может выступать реклама, эта неотъемлемая спутница менеджмента. Ибо, к примеру, самое правдивое восхваление выпекаемого хлеба, например, его свежести, вкусовых свойств, как правило, скрывает тот медицинский факт, что полезнее для человека хлеб ржаной, а не пшеничный, подсушенный и черствый, а не только что испеченный и горячий, остро пахнущий, дышащий и возбуждающий нестерпимый аппетит ароматным своим теплом. То же можно сказать и о рекламе различных образовательных услуг, где подчеркивается конструктивное и скрываются те или иные недостатки предлагаемых и рекламируемых видов-способов образования и методов его подачи. Даже самая правдивая реклама вводит в известное заблуждение и тем ограничивает, «регулирует» свободу действий и выбора, направляя внимание на ценности того порядка, что выгодны рекламодателю, менеджеру и не всегда потребителю. И это мы говорим о хлебе и образовании как хлебе насущном. А если повести речь о сладком печенье, о «правильном» пиве как «истинном удовольствии», «райском наслаждении» и т. д.? И нет тому списку конца! Значительно реже встречаем мы рекламу чистого воздуха, озерной воды, утренней гимнастики, ценностей образования и подлинной образованности как национального достояния. Нет рекламы прогулки перед сном и в целом здорового полноценного образа жизни, как физического, так и интеллектуального. Все это почти отсутствует и появляется лишь в «точечном» выражении, когда на горизонте обозначаются прибыль, доход или социальные катаклизмы, вынуждающие власть и весь менеджмент говорить обществу полновесную правду национального и планетарного характера.

Реклама лучших вузов страны? Имеется. Престижных профессий, специальностей, в тех вузах даваемых? Также находим. Но где реклама ценностей самостоятельного мышления, способности отбирать и впитывать приоритетные знания как информацию о наиболее значимом и жизнеопределяющем? С позиций конкретного вуза, казалось бы, это простительно. А в масштабах страны? А в рамках ЮНЕСКО, в мировом масштабе? Все кажется допустимо нейтральным и социально безобидным. Но все ли так амбивалентно?

«Хотите жить без боли?» Нет проблем: покупайте препарат XYZ! А какова адаптация организма к тому препарату? Нет информации. А в каких случаях боль полезнее выдержать-перенести, стиснув зубы? Не написано в упаковке. «Применяйте всегда и везде», — гласит этикетка. В такой обширной постановке скрыта опасность. Обман начинается уже с того, что высокая цена не означает выдающихся качеств того же лекарства. Например, одно из самых дорогих болеутоляющих средств — нурофен — содержит достаточно дешевое вещество ибупрофен, но поскольку на рекламу в России фирма-производитель только в 1997 году истратила 15 миллионов долларов (!), цена его не может быть низкой.

Итак, интеллектуальный, языковой обман налицо. Меж тем гражданский кодекс, к примеру, Франции уже в начале XX века включал статьи об обязанности продавца возратить стоимость, раз покупатель не знал об опасности (ст. 1629), точно так же он, продавец, должен дать гарантию от скрытых недостатков, особенно если он о них знает (ст. 1641 и 1643). Что делать в этом случае менеджеру?

В субстрат рекламы вложена информация, — но не рациональная информация логических доказательств и построений, а информация прежде всего иррациональная, эстетическая, основанная на

восхищении прекрасным (или псевдопрекрасным), эмоциональная с отчетливым стержнем внушения потребителю значимости, ценности товара или услуги (псевдозначимости, псевдоценности). *Суггестия*, то есть внушение — субстратный стержень не только рекламы, но и всех видов языкового насилия, возлежащих на интеллектуальном коварстве. Именно в этом русле маркетинг и менеджмент ведут «насильственный поиск» в борьбе за успех. Немецкое слово «*Werbung*», переводимое как «реклама», имеет в русском отчетливо производный глагол — «вербовать». Реклама вербует, рекрутирует сторонников данных товаров или услуг. Информации вокруг много. Коль нужно известить потенциальных потребителей о своих товарах и услугах, в том числе интеллектуального, информационного, образовательного порядка, то можно и затеряться в общем *информационном шуме*. Следовательно, нужно выделиться чем-то необычным, новым, невиданным, надо *потеснить шум*, найти в нем брешь, раздвинуть границы. Суггестия — первая помощница в рекламном позиционировании своих возможностей.

Мир, таким образом, есть насильственная борьба информации, схватка людских интеллектов. Чья возьмет!?! Руководитель стремится навязать свои ценности и услуги собственным информ-насилием, но как потребитель, оказавшись «по ту сторону баррикад», он же жестко противостоит языковому насилию другой стороны, пропуская лукавство, отбирая сведения как ценности нужные и важные. Таким образом, социальная природа общества (современного прежде всего и как никогда ранее) устремляет человека в сферу информационного насилия. Но гражданское общество, образующее государство, возможности и сферы такого насилия твердо и строго сдерживает, четко очерчивая границы возможного.

Фирмы (вузы как «образовательные фирмы») разрабатывают стратегию воз-

действия на потребительский спрос и, привлекая, заставляют потребителя считать высокими ценностями предлагаемые услуги или продукцию. Фирмы стараются заставить, переступая рамки дозволенного. Государство под давлением общественных интересов ставит барьеры насилию, переступание которых признает его как зло-противоправность, как незаконность.

Можно ли насилием достичь добра?

Размышления на тему насилия в менеджменте обретают смысл, когда ведутся в плоскости: *можно ли использовать насилие для достижения справедливости и добра?*

История людей есть история подавления, считал, к примеру, сам Зигмунд Фрейд. Нерепрессивное общество невозможно — таков краеугольный камень фрейдизма. Еще глобальнее стоит вопрос в гетевском «Фаусте», если припомнить ту самую силу, «что без числа творит добро, всему желая зла»¹³. (И это лишь подтверждает веберовскую мысль о данной человеку ответственности за последствия применяемой силы.) Истинно ли это в действительности? Ответ будто бы очевиден: бесчисленные факты. Но успешные резюме в большинстве случаев уводят от истины.

Сделаем лишь первые выводы. *Нравственные векторы* насилия могут быть различными, порой — противоположными. Терпеливое принуждение детей к аккуратности дает один нравственный заряд, реклама образовательных услуг нравственна и легитимна, если не таит в себе лишь голо-коммерческого аспекта, за которым — ускоренный курс псевдообразования и интеллектуальная нищета преподавания. Пропаганда достоинств избираемого кандидата (скрывающая недостатки) имеет в себе в большей степени отрицательный моральный вектор и подвергается сомнению. Промышленная, предпринимательская эксплуатация на-

емного работника имеет заряд, граничащий с моральной дозволенностью, в зависимости от долготы рабочего дня, уровня оплаты и ряда иных факторов. Убийство и ограбление в этом «ряду» образуют противоположный полюс и очевидно противоправно-безнравственны.

Кто имеет право на насилие? В попытках ответа на вопрос обычно рассматривают только один аспект — *против кого действует насилие*. Грабитель достоин осуждения и лишения свободы — здесь все ясно. Но менее ли важна другая сторона — *кто мог бы получить достаточные основания осуществить насилие*, если здесь и сейчас оно признано нужным и оправданным? *И какой должна быть возможная его сила в этом случае? И как быть, если этой силы не хватает даже для блокады преступления?*

Данные вопросы преломимы и к политическому управлению, и к социальному менеджменту, и к управлению образованием. Заблокировать действия преступника, рэкетира, бандита, хулигана и полубандита в данную минуту могут или должны, имеют право не только госспецорганы, но и каждый нормальный человек (есть у него такое право, если достаточно сил, нравственных и физических). Но только заблокировать, в пределах необходимой обороны и нейтрализации. Арестовать и провести следствие могут допущены лишь милиция (полиция) и прокуратура. Вынести приговор — лишь суд. И так, очевидный физический ущерб, который люди способны нанести друг другу, осуждается моралью и законом. Но вердикт полного противодействия дарован только «органам», «силовым структурам», ибо они созданы *как бы* по нашему согласию, нами и для нас.

Проблема усложняется, когда дело касается экономических и социальных аспектов, в которых не просматривается явной противоправности в отношении тех, кого мы хотим принудить. Насколько нужна Петербургу окружная дорога? В

собственно транспортно-экономическом смысле ответ очевиден? Финансовые потоки в карманы заинтересованных чиновников, работа наемным рабочим — здесь пласты посложнее. В экологическом смысле немало лукавых натяжек. Выгодна ли дорога «среднему» петербуржцу? За кем остается принятие решения? Ответственность за решение возложена на руководителя. Но она, эта ответственность, делегирована руководителям тем самым «средним» горожанином и жителем области, которые способны (должны быть способными) решать, устраивает ли этот руководитель их. Противоречия профессионализм—дилетантство, ответственность—популизм, гражданственность—обывательство — хорошо известный блок насильственных столкновений интересов.

Можно ли заставить ребенка идти в школу? Можно ли заставить учиться? Можно ли принудить изучать данную дисциплину, приобретать данную специальность, выбирать данную профессию? Можно ли заставить правильно держать вилку, поднимать бокал, читать книгу, носить одежду?

Множество таких вопросов имеют свои ответы и по-прежнему открыты исследованию и обсуждению. Поиск ответов нередко упирается в вопрос, который не без иронии возможно сформулировать так: «можно ли "насиловать мягко"»? Насколько допустимы и моральны такие «мягкие формы» насилия, как рекламное лукавство, использование административных прав, рабочей силы, «труда и интеллекта других» (Евенко) с неадекватной оплатой труда, хитроумные банковские операции для достижения финансового успеха, обман ученика с благими намерениями заставить выучить урок, обрести интерес к знаниям?

«Нравственные излишества». Найти баланс возможного, допустимого менеджмент-насилия и морали — значит найти ключ к пониманию поднятой здесь

проблемы. Мы говорим: насилие есть принудительное ограничение свободы. Но «принуждение в собственном смысле, — отмечает Э. Дюркгейм, — состоит в том, что сама борьба невозможна, что к ней даже не допускаются». То есть, легитимная борьба равных — полезна и несет благо. Подавление слабых, монополия — худший вид насилия. «Нравственность, — говорит Дюркгейм, — не может повелевать сверх меры промышленными, торговыми и тому подобными функциями, не парализуя их, а они между тем имеют жизненное значение». Могут быть и «*нравственные излишества*», резюмирует социолог. *От них мораль же первая и страдает*, говорит он, ибо, имея непосредственной целью регулирование жизни, она не может отвлечь нас от нее, не истощая предмета, к которому применяется¹⁴.

«Всякая человеческая порядочность имеет свои экономические пределы», — приводит эту губермановскую хохму В. Кавторин, словно «наращивая» Дюркгейма¹⁵. «Вредно всегда и везде быть хорошим человеком. Быть хорошим по отношению к своим друзьям означает быть нехорошим по отношению к своим клиентам», — говорит другой исследователь¹⁶. Такова суть «нравственного излишества», «истощающего сам предмет, к которому применяется», по Дюркгейму.

Итак, насилие в ряде форм полезно и допустимо в промышленном и вообще в социальном менеджменте, оно способно вести к добру, к справедливости, создавать блага. Но *границы «полезного насилия» тонки и зыбки*. Стоит преступить край, и реклама не ориентирует, а лжет и отупляет. И тогда воистину: «Кто не знает, тот отдыхает!» Остальные страдают.

Можно заставить учиться некоторыми методами принуждения и убеждения, но не палкой и розгой. В последних тонут все благие побуждения, приносящие зла и вреда значительно больше, чем добра и сомнительной пользы. Можно реклами-

ровать вуз, кафедру, школу, лучшие их достоинства, вступая в борьбу с конкурентами, если эта позиционирующая информация и реклама не содержит нравственной лжи типа: «Гуманитарный университет профсоюзов — лидер отечественного образования», ибо заявление подобного «лидерства» вызывает большие сомнения.

Открытые формы. К открытым видам насилия относят очевидные его формы, например, увольнение рабочих, наемного персонала, открытое противоборство менеджмента с наемной рабочей силой вообще. В социальном менеджменте — это также нередко. К примеру, в период кризиса образования, других социальных сфер. Руководитель думает прежде всего о том, чтобы сохранить школу, вуз, санаторий, прачечную, устоять на ногах, быть может, по-человечески и понимая тех, кого только что вынужденно уволил. Нередко он вынужден принимать безжалостные решения. В производственно-промышленном менеджменте это обозначается и проявляется, пожалуй, ярче¹⁷.

Парадокс. Нельзя не согласиться с очевидным: прошедший XX век — это эпоха с колоссальным опытом зла, конфликтов, насилия, разрушений. Но парадокс заключается в том, что *XX век — одновременно есть столетие с огромным опытом ненасильственных действий, мирных решений многих назревавших и возникавших конфликтов*. «Если бы враждебность была преобладающей силой, мир давно был бы разрушен», — заметил однажды, тонко и верно, Махатма Ганди, выдающийся политический деятель, философ и лидер движения индийского ненасилия. Но при первом взгляде на историю все же создается впечатление, что насилие почти всегда много эффективнее добра, ненасильственных действий. Ошибочность подобного впечатления интересно проследить на примере того, как в

Дании подвели итоги ушедшего тысячелетия. Газета «Политикен» к важнейшим событиям этого исторического отрезка отнесла вторжение викингов на Британские острова и основание в итальянском городе Болонья первого в Европе университета в XI столетии, знакомство европейцев с арабскими цифрами и строительство соборов в Старом Свете в XII веке, появление первых письменных трудов по хирургии, распространение очков и компасов — в веке XIII. XIV столетие отмечено эпидемией чумы на континенте и рождением тенниса в Англии. XV — пришествием кофе и экспедицией Колумба. В XVI веке в Европу пришел табак, Коперник совершил переворот в естествознании, а Шекспир — в литературе. В XVII веке арабы из Африки были впервые доставлены в Америку, в Германии начала выходить ежедневная газета, Ньютон сформулировал основные законы механики. В XVIII веке список полезных вещей пополнился бильярдом и термометром, США обрели независимость, во Франции прозвучала «Марсельеза» и были заложены основы либеральной экономики, о которой мы теперь ведем речь в этой книге в аспекте предпринимательского бизнеса. В XIX веке основал свою теорию Дарвин, зазвонил телефон и распахнули двери первые кинотеатры. Важнейшим событием, перевернувшим представления о нашей зависимости от законов природы, датская газета называет полет первого спутника. Напомним, что он был советским и случилось это 4 октября 1957 года.

Причина насилия в большинстве случаев — конфликтные отношения людей¹⁸. Весь политический, экономический либерализм есть поиск способов разрешения конфликтов без применения насилия. «Единственной объективной посылкой возникновения либерализма, — говорит, например, Б. Г. Капустин, — является наличие конфликтов, неразрешимых методами традиционного, т. е. досовременного

общества, на каком бы уровне экономического развития и в какой бы культурной среде такая ситуация не возникала»¹⁹. Можно согласиться с формулой американского политического философа Стефена Холмса: «Действительной стартовой позицией либеральной морали была... историческая неподатливость (intractability) морального конфликта».

Либерализм, при всех его издержках²⁰, есть один из эффективных методов, методология разрешения конфликтов, социальных, политических, экономических. В числе либеральных методов разрешения конфликта есть хорошо известный нам со времен Горбачева — *консенсус*, преподнесенный в практику социального управления почти что как панацея от насилия и конфликтов. «Консенсус — это преодоление деления общества на большинство и меньшинство», — говорит Г. Зимон, известный исследователь данного феномена, профессор истории из Бундесинститута г. Кельна²¹. Культура консенсуса, продолжает он, находится в серьезнейшем противоречии с демократической культурой спора, исходящей из того, что *противоположность интересов естественна и в принципе непреодолима*. Демократический либерализм ищет правила, способы споров и, в идеале, ненасильственных (на практике минимально насильственных) их решений. Культура консенсуса, напротив, заключается в том, чтобы преодолеть, уничтожить конфликты, противоречия, но не разрешить, а загнать их в глубь. В тактике менеджмента это может быть позитивным, но до известного времени, ибо принципиально не разрешенные конфликты гниют и ждут своего часа в облаке туманного консенсуса. «Консенсусу постоянно грозит раскол», — говорит Зимон. «Российское общество все еще способно, хотя, кажется, иногда и против его собственной воли, сглаживать и молча сносить острые конфликты, особенно те из них, которые требуют юридической разработки», — резюмирует он.

Что на «другом полюсе»? Вызывает большой интерес то, что стоит на полюсе, противоположном насилию. Не только теоретические исследования, но и житейская мудрость подсказывают: *человеческая жизнь возможна лишь в той мере, в какой добрые и бесконфликтные отношения в ней преобладают над насилием и принуждением*. Но время баланса «с преобладанием» в современную эпоху исчерпаны полностью или почти полностью. В значительной мере возможность такого баланса ранее была обеспечена относительной слабостью разрушительных средств, и опыт прошедших и идущих войн заставляет заново взглянуть на старые «истины». Иная, новая, инновационная в полном смысле логика нужна здесь еще и потому, что зло и насилие, бандитизм и преступность плюс противостоящие им «силовые министры» и их структуры от милицейских дубинок до ядерных ракет, казалось бы, все больше преобладают над просто человеческим добром. Картина очевидная, но превосходство, преобладание насилия над другими формами жизни — преобладание лишь кажущееся. «История человечества учит, — подчеркивает Н. Хилл, — что насилие и принуждение не могут длиться бесконечно»²². «Люди часто не видят, — утверждает Э. Фромм, — насколько беспомощным и малоубедительным является насилие перед лицом времени»²³.

А как же в России с ее разгулом бандитизма и терроризма и обилием «силовых министров» с другой стороны? «Традиционный ответ России на вызовы истории, — говорит Г. Л. Тульчинский, — усиление власти и насилие». Однако нынешняя ситуация, итожит он, отличается парадоксальностью: «как и прежде, все еще нельзя без насилия, но и уже невозможно насилие». «Без сильного государства России не обойтись, — утверждает ученый. — Но сила его уже не может быть имперски-тоталитарной: она может

быть основана лишь на человеческой свободе»²⁴. Насилие есть подавление свободы, ограничение ее. Сила, опирающаяся на свободу, — это уже не насилие.

Хорошо известно утверждение о том, что «ответное насилие лучше, чем покорность несправедливости». Но...

Равна ли пассивность ненасилию? «Отождествление ненасилия с пассивностью и покорностью есть глубокий общественный предрассудок», — настойчиво подчеркивал Ж. Госс²⁵ вслед за М. Ганди.

Предрассудок этот действительно устойчиво вошедший в умы и сердца, и потому следует настойчиво преодолевать. Обыденное заблуждение, что ненасилие равно покорности и злу, имеет место еще и из-за неточного перевода термина на европейские языки с санскрита. Ганди употреблял «ненасилие» для обозначения отказа от применения разрушительной силы в борьбе за справедливость. «Однако, коль скоро мы не хотели бы применять насилие в борьбе за справедливость, мы должны прибегнуть к другой силе, созидательной и миротворческой», — подчеркивал он. Для обозначения этой силы Ганди использовал термин «*сатьяграха*» («сатья» — «правда», «истина», «бог»), под чем понимал силу правды, силу души, справедливости и любви (дословно — «упорство в истине»).

Справедливая сила — это есть ненасилие. «Сатьяграха» не был переведен адекватно на европейские языки, что, как случается очень нередко, породило массу общественных заблуждений. Но истина сквозь приятные исключения все же пробивала дорогу. «Ганди обладал большей потенциальной энергией, чем кто бы то ни было в его время, — пишет, к примеру, Н. Хилл, — и это вопреки тому обстоятельству, что у него не было никаких обычных средств ведения войны — ни боевых кораблей, ни солдат, ни военной техники. У Ганди не было денег, не было

даже приличной одежды, но у него была сила»²⁶. «Как он приобрел ее?» — спрашивает Хилл. Ганди сотворил эту силу, говорит он, «из своего понимания принципов веры, используя свои способности для перенесения этой веры в сознание двухсот миллионов людей. Он совершил выдающийся подвиг, заставив их объединиться и действовать в унисон, словно это было единое сознание».

Но только ли Ганди? Все ли мы видим? И всегда ли хотим разглядеть? Кто знает о Михаиле Фрунзе? Любой десятилетний мальчик, когда он в школе — не в беспризорниках. Герой Гражданской войны, нарком по военным и морским делам, политкаторжанин пред тем, революционер-подпольщик. Популярнейшая фигура. И сильная! Сильнейшая. Но в чем сила Фрунзе? Известен случай. Бросили его в камеру к уголовникам. (Казнить не могли, хоть к смерти приговорили — волнений боялись: известный был человек, авторитетный, деловой и умный. «Национальный герой», — сказали бы мы сейчас). А потому «пристроили» в ту камеру. «Пусть узнает, почем фунт лиха, — решили в каторжной тюрьме. — С политическим тут быстро урки разберутся». Прошла пара часов — тишина. Удивились надзиратели с тюремным руководством вместе и, когда открыли дверь, увидели «чудо»: Фрунзе учит сидящих там арестантов игре ...в хлебные шахматы! Какая сила включила тех людей в игру? «Бицепсы» Фрунзе? Таковых историки не описывают. Сила обаяния, убеждения сила: таков был этот человек. Сильный, как и Ганди! Сатяграхой сильный! Достойный пример педагогическому и в целом социальному менеджменту.

Итак, менеджменту неизбежно присуща известная степень насилия и конфликтов. Но характерна для нравственно ориентированного менеджмента и «сатяграха» и «толерантность».

Толерантность — основа менеджмент-понимания. Под толерантностью (от лат. *«tolerantia»* — *терпение*) понимают прежде всего терпимость друг к другу людей различных взглядов и позиций, основанных на неповторимо-личном опыте каждого. Как концепция толерантность есть поиск возможностей для общих точек зрения даже в тех видах деятельности, которые, на первый взгляд, кажутся несовместимыми. Все люди разные, и каждый в чем-то не похож на другого: генной структурой, жизненным опытом, творческими стремлениями, ростом, цветом волос и т. п. Но социум и менеджмент в нем — всегда общение разных людей, идущих в то самое время к личной цели через достижение целей общих. Но столь уж не схожи ваши интересы с целями соперника? Быть может, в той несхожести есть общие точки? И стоит подумать о достоинствах оппонента? Возможно, он сделает то же!

Толерантность не есть терпение и покорность насилию. Толерантность и сатяграха есть концепции, сущность которых — в стремлении выпрыгнуть из «заколдованного» круга ненависти, насилия, несправедливости. На чем они основаны? На *амбивалентности человека добра и зла*, то есть открытости всех нас как злым, так и добрым началам в мире этом. Человек рождается, не будучи злым или добрым. Качества эти приобретаются людьми по мере вставания их в социальность: в общество, бизнес и жизнь. Жизнь терниста, полна величия, абсурда, глупостей, мерзостей и конфликтов, в ней впитываем мы все, зло и добро, если не можем или не готовы, или бессильны стоять против насилия или глупости. «*Даже в самом худшем из нас есть частица добра, даже в самом лучшем из нас есть частица зла*», — утверждал бессмертный Мартин-Лютер Кинг²⁷.

Какую стратегию избрал этот лидер негритянского движения в 60-х? Америка задыхалась от катаклизмов, противостоя-

ния, ненависти. Белых и черных. Даже после победы Севера в Гражданской войне негры не получили полных наравне с белыми прав. Были те права декларированы как равные для всех, но негров не было в конгрессе, не их избирали мэрами городов. Разными были школы: для белых и для черных отдельно. Также — с оплатой труда. И самое страшное — «куклуксклан»: движение непримиримых белых поддерживалось немалым числом американцев и едва скрытой симпатией государственной власти. Ненависть полыхала по обе стороны (баррикад), провоцируя масштабное столкновение. Как поступил в той ситуации Кинг? Он поднял братьев по черному цвету кожи на войну и восстание? Нет, Кинг произнес, казалось бы, невообразимое: *«Белые нуждаются в любви негров, потому что они запуганы собственными репрессиями против нас»*(!!!) Развернутое им движение ненасилия принесло успех не вдруг и не сразу. Но где сейчас Америка? Ответ известен. А что случилось бы в столкновениях? Достаточно взглянуть на карту страны и мира...

В своих рассуждениях Кинг, кроме прочего, спрашивает как бы сам себя: «Какую любовь подразумевает «сатьяграха»?» В работе «Паломничество к ненасилию» анализирует он эту проблему и говорит о трех значениях понятия любви в греческом языке. 1) «Эрос» — а) стремление души к сфере божественного (как трактует это Платон); б) разновидность эстетической романтической любви (отсюда берет свое происхождение эротика: мы восхищаемся божественной красотой женского силуэта, изящной складкой одежды и т. д.); 2) «Филиа» — интимные чувства между друзьями: «филия» означает вид взаимной любви — человек любит, потому что любят его; 3) «Агапе» — понимание, распространение доброй воли на всех людей. Агапе — это незаинтересованная любовь. Это любовь, в которой индивид стремится

найти добро не для себя, а для своего ближнего, говорит Кинг. Именно такую любовь, агапе, подразумевают теория и практика ненасилия. Именно о ней мы ведем речь в размышлениях о насилии и ненасилии в менеджменте.

Вот пример. А. Лакейн в своей книге «Искусство успевать»²⁸ называет группы людей, не способных продуктивно использовать время. Лакейн умело вычленяет и выводит на свет пороки этих людей, определяя их в тот же момент как *«потенциально ценные черты»*, которые просто перешли свои разумные пределы. В опоре на те ценности и построена книга. Лакейн опирается на изюминки положительного в людях, не научившихся разумно распоряжаться временем и продуктивно планировать его. Этому принципу верен автор до завершающей своей строчки, и потому книга читается нами, имеющими столь многие недостатки. В конечном итоге достигается результат в виде новых наших знаний и умений. А назови Лакейн читателей лодырями, болванами, недотепами? И в практике менеджмента терпение и толерантность приносят в итоге большие по продуктивности результаты, чем ненавидящее противостояние.

Бесперспективность насилия. В современном обществе порой кажется безусловным, что именно насилие ведет к успеху в управлении и коммуникациях, отношениях между людьми. Но парадокс положения заключается именно в том, что цинизм голого насилия сам себя и губит вместе с его носителями и проповедниками. *«Насилие, рождающее зло, от зла и погибнет»*, — наверное, так могли бы мы перефразировать здесь самого Александра Невского. Бесперспективность духовно-насильственной атмосферы следует доказывать именно потому, чтобы не вылезать потом из-под обломков рухнувшей системы израненными и увечными, со взором изумленным, вдруг произнося:

«Что мы тут сотворили?» («Что это было?» — как спрашивал в фильме непрерывно курящий и пьющий с генеральской осанкой киногерой, вышедший на «охоту по-русски».)

Замкнутый круг насилия способна разорвать лишь та самая сат્યાграха. Другого выхода нет, каким бы нереальным не казался путь этот людям, мыслящим трезво житейскими категориями встающего дня. Учения Ганди и Кинга сначала также казались «экзотикой» простому человеку. Но в результате: Индия — свободна, в США — национальное согласие плюс экономическое процветание.

А потому, к примеру, *«Менеджмент-образовательная программа ненасилия»* как основа гуманизации современного общества и всей его системы образования и воспитания в своем идеале, с нашей точки зрения, должна:

во-первых, *отказаться от монополии учителя на истину* — по отношению к ученику и директора, менеджера, администратора — по отношению к руководимому им учителю, демонстрируя свою готовность к пониманию, к изменениям, к диалогу, к компромиссам;

во-вторых, *предполагать критическое отношение учителя, менеджера, администратора образования к своему собственному поведению* с целью выявления того, что в нем могло бы питать зло ученика и руководимых им людей;

в-третьих, *уметь анализировать ситуацию глазами ученика и своих подчиненных* с целью понять их и найти такой выход в ситуации непонимания друг друга, который позволил бы последним сохранить лицо и выйти из сложившейся ситуации с честью;

в-четвертых, *побуждать себя как менеджера и руководителя к борьбе со злом в другом* при одновременной любви к нему как к человеку, стоящему за этим злом и обладающему добром одновременно;

в-пятых, *базироваться (в идеале) на максимальной открытости* в поведении

(при всей необходимости хранения профессиональной тайны, управленческих секретов и т. д.), на отсутствии в отношении другого какой бы то ни было лжи и скрыто-подлых намерений.

Сама история подсказывает нам этот путь.

Первый случай (как предвестник «сат્યાграхи») зафиксирован историками в человеческом обществе и менеджменте в нем, когда вел царь Кир войну с Вавилоном. В 539 году до н. э., захватив Вавилон, Кир обратился к покоренному населению с манифестом, суть которого в том, что персидские войска пришли для защиты вавилонян и их богов от их же собственного царя Набонида (не ладившего со жрецами). Именно с той эпохи *количество погибших в бою перестало служить мерилom военного искусства* и предметом похвалы, впервые возник феномен *«политической демагогии»* — коммуникативного воздействия на войска и население противника с целью не устрашения, а привлечения к сотрудничеству²⁹. Так идеал давно вступил на тропу практики. Но в целом осуществить программу ненасилия как идеал практически, конечно же, очень непросто, ибо в природе (человеческой природе также) борются два противоположных начала, зла и добра, насилия и справедливости, силы злой и справедливости полной — как исчерпывающие антиподы. Известно, что нет ничего (или почти ничего) в природе в чистейшем виде.

Ненасилие сильного! В практике менеджмента следует различать *ненасилие слабого* и *ненасилие сильного*. Ганди неоднократно подчеркивал: *«Ненасилие сильного есть самая могущественная сила в мире»*. Трудно быть слабым (физически, интеллектуально, финансово, экономически) и не уронить при том достоинство, да еще уважать других. Это, однако, возможно (если имеется сила нравственная, духовная сила). Но

быть сильным (во всех отношениях) все же лучше. Как понимать ненасилие сильного?

«Римские легионы предотвратили больше сражений, чем дали», — подчеркивал испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет³⁰. Конечно, политическим лидерам Рима не было известно понятие «сатьяграха». Но вспомним, какую культуру несли те легионы варварам! Сквозь кровь и покорение. Так, к примеру, ассимиляция франков, включение их в ценности греко-римской культуры вывела этот народ на дорогу большой цивилизации с центром в Париже!

Каким мог быть образ «ненасилия сильного»? Представим доброго богатыря, эдакого Илья Муромца, который нигде и никогда никого не «покорял», но всем своим видом давал понять, что никого не обидит, подчеркивая одновременно, что также не позволит обидеть ни себя и ни своих друзей. Такой «шлагбаум» на пути насилия намного ближе к сатьяграхе, чем та ее разновидность, которую Ганди называл ненасилием слабого. «Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного...», — кажется, так в Библии.

Выводы. Итак, быть толерантным и сильным одновременно в любом виде менеджмента — наиболее действенный, эффективный путь к управленческому успеху. Менеджмент есть силовая борьба, в которой не обходятся без конфликтов и противостояния, это «использование интеллекта, труда других», подчиненных и конкурентов, союзников и соперников. И остается самым эффективным при этом лишь одно: вести борьбу корректно, нравственно, справедливо, в пределах этики и закона, *использовать труд других с несомненной пользой же для этих самых «других».* Да, менеджмент — это и силовая борьба. Но сила, как мы убедились, не равняется насилию, злу.

Следующий вопрос: имеет ли руководитель моральное право применять насилие: приемы маскировки, тактическую хитрость, встречное коварство и целый ряд противостоящих мер, отбрасывая те самые «нравственных излишества», что вредят делу? Напрашивается конструктивное: «да». При дополнении: «Не за пределом того «нравственно-законного минимума», за которым начинается преступление!»

Жизнь есть борьба. Эта истина, ставшая расхожей фразой, именно из-за этого во многом стерлась, затерлась в своем значении. Европейская этика сформировала тот порядок взаимоотношений в социуме, в котором право на успех имеет тот, кто неустанно это право отстаивает, отстаивает и утверждает: энергией, деятельностью, борьбой, силой. Но следует помнить: сила силе — рознь. Сила как насилие способна принести успех лишь в ограниченных и очень ограниченных пределах. Иначе из заколдованного круга не выйти. Если насилие применено против вас как руководителя, в вашем распоряжении (кроме противостояния силой добра и любви), безусловно, — весь арсенал прав на *ответную силу* в борьбе за существование, на собственный успех в жизни и менеджменте.

Спросим себя при этом, а как же Нагорная проповедь с ее «рекомендацией»: *«...Подставь другую щеку!»* (???) Именно так порой дилетанты от менеджмента и мировоззрения душевной аморфности советуют поступать окружающим. Каков же конструктивный ответ? Для начала хочется среагировать народной поговоркой: «Не надо путать божий дар с яичницей, пардон, — *абсолютную этику и этику практической ответственности.* Абсолютная (акосмическая) этика Евангелия не фиакр, который можно остановить в любой момент, чтобы войти и выйти из него по своему усмотрению, как поясняет Макс Вебер в «*Politik als Beruf*»³¹. В этике социального менедж-

мента применимо прямо противоположное, подсказывает он. Вебер много цитирует Льва Толстого, но остается самим собой — Вебером — и мыслит самостоятельно. Нужно быть святым, и точка, чтобы уметь подставить другую щеку, говорит он. И в этом полном отсутствии достоинства есть свое достоинство. Выступать в жизни «полусвятым» невозможно, неправильно, глупо и грязно. А если ты не святой, то и не прикидывайся, Нагорной проповедью стыдливо лик не прикрывай, и если двинули тебя сильно, больно и подло проклятые конкуренты или просто нечистые люди, то ответить обязан, по полному профилю, иначе не сешь ответственность за распространение того зла, что обрушилось на тебя и вслед рухнет на других, тебя окружающих. И ты *ответствен* за то, что подлость и зло возьмут верх в этом мире. А потому умей противостоять. Это и есть этика ответственности.

В другой своей работе³² ученый вновь возвращается к этой проблеме, говоря: «Нужно выбирать между религиозным достоинством, которое дает абсолютная, акосмическая этика, и мужским достоинством, этика которого проповедует нечто совсем иное: "Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно победит"».

Но противиться, как мы выясняем можно разными способами, сатяграхой в том числе. Или открытым насилием. Но как противостоять? В каком объеме? Какими средствами?

Поиск ответов — весь пафос этой статьи! Вебер любил Толстого и глубоко понимал этику ненасилия. Но еще не развернулся Ганди и не родился Кинг, и сатяграха не поднялась «в полный рост», практически, ответственно доказывая

свою справедливую силу человеческому сообществу.

Однако мы, живущие почти столетие спустя, должны теперь помнить и знать: *насилие не принесет менеджмент-победы полной, как не даст никакого успеха, если действует в чистом виде.*

Утверждение же «оппонентов» о том, что сегодня «обычная жизнь» никак несовместима с принципами любви, в глубине своей не только глупа, а потому, как всякая глупость, опасна, недальновидна и мерзка, но и содержит практический, жизнеподрывающий изъян. Если подобным руководствоваться, то из тупиков жестокой российской действительности не выбраться никогда.

«Если рассматривать конкретные проявления современного общества, — подчеркивает Э. Фромм, — можно увидеть, что это сложное явление. Например, продавец бесполезного товара не может экономически функционировать, не прибегая к обману, а квалифицированный рабочий, фармацевт, врач вполне может. Точно так же фермер, рабочий, учитель и многие бизнесмены могут руководствоваться любовью, не прекращая функционировать экономически. Даже если признать, что принцип капитализма несовместим с принципом любви, следует согласиться, что «капитализм» сам по себе — очень сложная, постоянно меняющаяся структура, все еще оставляющая довольно много места для личной свободы и нонконформизма»³³.

Мы признаем: сфера насильственных социально ориентированных менеджмент-действий может быть достаточно широкой. Ибо справедливость без силы — немошна. Но следует также помнить, что сила без справедливости — слепа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / Пер. с англ. М.; СПб.; Киев: Изд. дом «Вильямс», 2000. С. 19–23.

² См.: Евенко Л. И. Уроки американского менеджмента // Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. М.: Дело, 1992. С. 5.

³ Паркинсон С. Н., Рустомжи М. К. Искусство управления / Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1992. С. 5.

⁴ Якокка Л. Карьера менеджера. М.: Прогресс, 1990. С. 78, 48. «Помимо инженерных и экономических дисциплин, — вспоминает автор «Карьеры...» свои студенческие годы, — я в течение четырех лет в Лихайском университете изучал также психологию и психопатологию. Я вовсе не иронизирую, когда утверждаю, что эти предметы были, вероятно, самыми ценными из всех университетских дисциплин... Мне приходилось гораздо больше пользоваться уроками этих дисциплин в обращении с ловкачами в мире корпораций, чем уроками инженерных дисциплин в обращении с гайками и болтами при конструировании автомобилей». «В результате такого обучения, — завершает он, — я научился довольно быстро распознавать характер людей. До сего дня я могу, как правило, сказать довольно много о человеке после первой же беседы с ним. Обладать таким навыком очень важно, так как самое значительное, что может сделать менеджер, — это нанимать пригодных для него работников».

⁵ См.: Богачек И. А. Философия управления. — СПб.: Наука, 1999. С. 9–26.

⁶ Об искусстве манипулирования в стратегии управления см., напр.: Жюльен Ф. Трактат об эффективности. М.; СПб.: Мос. философский фонд, 1999. Автор монографии — французский ученый, исследующий проблему эффективности управления в китайской философии.

⁷ См.: Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасиления // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.

⁸ См., напр.: Гелих О. Я. Свобода как ценность и как проблема управления в открытом обществе // Детство и общество: Философские и культурологические аспекты. Материалы VI Международной конференции «Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство». СПб., 1999. С. 21–32.; Свобода // Гелих О. Я. Военные методы в бизнесе. (Философия действия в бизнесе, как в войсковом сражении.) СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1999. С. 111–138 (гл. 4.); Гелих О. Я. Творчество и свобода: в поисках смысла образования и времени // Философия детства и творчество // Материалы VII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и творчество». СПб., 2000. С. 58–68.

⁹ См., напр.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 699. Немецкий социолог в этой работе 1919 года отмечал, к примеру, что «...первые христиане весьма точно знали, что миром управляют демоны и что тот, кто связывается с политикой, то есть с властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами, и что по отношению к его действованию *не* то истинно, что из доброго может следовать только доброе, а из злого лишь злое, но зачастую наоборот». «Кто не видит этого, тот в политическом отношении действительно ребенок», — итожит Вебер.

¹⁰ См.: Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27–36.

¹¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 390.

¹² См., напр.: Тульчинский Г. Л. Самозванство. Феномен зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 16.

¹³ Гете И. В. Фауст / Пер. с нем. Б. Л. Пастернака. М., 1953. С. 90.

¹⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 386, 245.

¹⁵ См.: Кавторин В. Прогулка по новорожденному рынку // Нева. 1998. № 1. С. 177.

¹⁶ См.: Мелихов А. Они были третьими // Там же. С. 133.

¹⁷ Подробнее см.: Насилие // Гелих О. Я. Военные методы в бизнесе. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 209–233.

¹⁸ Подробнее см.: Конфликт как причина // Там же. Гл. 6, § 14.

¹⁹ См.: Капустин Б. Г. «Свобода от государства» и «свобода через государство»: о нелиберальности посткоммунистической России и ответственности либералов // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 73.

²⁰ О достоинствах и «издержках» либерализма см., напр.: Тульчинский Г. Л. Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Мост. Журнал деловых людей. 2001. № 44. Май. С. 60–61.

²¹ Зимон Г. Заметки о политической культуре в России // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 26–27.

-
- ²² Хилл Н. Думай и богатей. М.: Фаир, 1996. С. 98.
- ²³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 290.
- ²⁴ Тульчинский Г. Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 29.
- ²⁵ Госс Ж. Ключевые понятия гуманистической и христианской концепции ненасилия // Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993. С. 22, 19–25.
- ²⁶ Хилл Н. Указ. соч. С. 48.
- ²⁷ ???: ??? ?.-?. ??? ? ??? ????: ????. ??? ? ??????. ?.: ????, 1970. ? ????: ??? ?.-?. ????????????? ? ?????????? // ??????????: ??????????, ????, ??????????. ?.: ????, 1993. ? 175–187.
- ²⁸ Лакейн А. Искусство успевать. М.: Фаир, 1996. С. 10.
- ²⁹ См.: Назаретян А. П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 89.
- ³⁰ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания // Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 34.
- ³¹ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 695–696.

Конечно, собственно у Вебера иной слог и тонкие акценты. «Подставь другую щеку!», — говорит он, — есть безусловная заповедь, которая не задается вопросом, каким же это образом другому принадлежит бить. Этика отсутствия достоинства — разве только для святого. Так и есть: следует быть святым во *всем*, хотя бы по намерениям (выделяет Вебер это «*всем*» своим курсивом), следует жить, как *Иисус*, апостолы, святой *Франциск* и ему подобные, *тогда* она (данная абсолютная этика. — *О. Г.*) является выражением некоего достоинства». «*В противном случае — нет*», — твердо итожит немецкий социолог, вновь выделяя текст, что делает в своих работах крайне редко. И завершает: «Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: «Не противостоять злу насилием», — то для политика имеет силу прямо противоположное: ты *должен* насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты» (Вновь курсив Вебера. — *О. Г.*)

³² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 726.

³³ Искусство любить // Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. С. 225–226.

O. Gelich

PROBLEM OF VIOLENCE IN MANAGEMENT

Article considers ethics-ontological aspect of application of force in management and social management as a whole. Thus the violence is investigated as any domination of the person over another person in space of free will. The author puts a question, if management is understood like conscious skill to achieve targets, using labour, intelligence, motives of behaviour of other people, does it mean a violent sort of social activity? Is it possible to reach(achieve) fair administrative results by violence? The author investigates a phenomenon of a nonviolence (satjagrakha) in management as the applications of force are Kind, force of Love, instead of absence of force, as it is frequently understood by public opinion. The nonviolence of the strong, that is opportunity of a combination of positive (kind) force at a potential opportunity of application of violence for struggle with evil in controlled organization is proved as optimum ontological type of behaviour of the head.